

УДК 316.485.6

Л.И. Никовская¹, В.С. Батури²

¹Институт социологии РАН, Москва, Россия;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, Казахстан
(E-mail: baturin_vs@mail.ru)

Роль и особенности применения медиации в сфере правоотношений

Статья посвящена исследованию особенностей применения медиации в сфере правоотношений. Отмечается, что тот ажиотаж, который на сегодня поднимается вокруг нее, весьма далек от ее реальной значимости. Обращается внимание на подлинные причины возросшей востребованности применения медиации именно в сфере правоотношений. Акцент сделан на двух основных вариантах ее использования. Первый – просто как дополнительное средство к существующим формам судопроизводства, а второй – в качестве до- и внесудебного разбирательства. Россия, к примеру, при опоре на достижения конфликтологии, предпочтению отдала второму варианту. В Казахстане же, где конфликтологи пока еще не уделяется должного внимания, сфера применения медиации полностью оказалась под юрисдикцией законов. К числу медиаторов, в первую очередь, отнесены судьи, адвокаты, чья профессиональная деятельность далека от специфики деятельности медиатора. К тому же, похоже, что большинство так называемых «профессиональных» медиаторов имеют весьма смутное представление о конфликтологии как науке и том месте, которое отводится в ней медиации. В итоге делается вывод, что для сохранения мира, укрепления общественного согласия в стране при разрешении различных споров (конфликтов) более важным является не столько владение различного рода процедурными техниками, как правило, заимствованными из-за рубежа, сколько умение на научной основе не доводить жизненные ситуации до настоящих конфликтов.

Ключевые слова: конфликтология, Закон «О медиации», конфликт, институт посредничества, спор, медиация, медиатор, гуманизация уголовной политики, система правосудия.

В жизни иногда возникают ситуации, парадоксальность которых состоит в том, что большинство определений одного и того же понятия одновременно содержат в себе как бы несколько различных логических акцентов. А порождаемая вследствие этого поливариативность и многосмысленность значений данного понятия создаёт весьма устойчивую иллюзию, явно завышающую универсальность теоретической и практической значимости того, что им пытаются обозначить. Подобное, похоже, на сегодня демонстрирует собой медиация, в связи с тем ажиотажем, который складывается вокруг нее в плане оказания с ее помощью различного рода примиренческих услуг.

За сравнительно небольшой промежуток времени о медиации, являющейся всего лишь только одной из разновидностей оказания посредничества в разрешении различного рода коллизий, на которые так богата социальная жизнь, например, в Казахстане, заговорили даже как о некоем новом социальном институте. Сегодня она иногда определяется то в качестве нового правового института, то в качестве нового института гражданского общества и т.д.

Ради справедливости следует отметить, что столь повышенный интерес к медиации в ряде случаев может быть и вполне оправдан. Однако зачастую даже те, кто непосредственно способствовал привлечению к ней столь пристального внимания, равно как и те, кто уже стал причастен к медиативной деятельности, как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе, в большинстве своем, похоже, имеют весьма смутное представление о ее природе, сущности, о ее действительном потенциале, границах ее применения и т.д. Наглядным подтверждением тому может служить то раз-

личие в понимании как сущности, так и сфер непосредственного применения медиации, которое нашло отражение на практике, например, в России и Казахстане.

Ка известно, в Казахстане о медиации открыто заговорили большей частью после выхода в свет Закона «О медиации». В нем четко определена область и очерчены границы ее применения. «Сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, об уголовных проступках, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства» [1].

Важнейшей предпосылкой, определившей именно судебную сферу разрешения нарушений правоотношений, в том числе и уголовного характера, в качестве главного ориентира для ее использования послужил Указ Президента страны «О Концепции правовой политики Республики Казахстан» от 20 сентября 2002 г. В нем, в частности, отмечается, что демонстрацией отражения тенденции гуманизации уголовной политики в уголовном судопроизводстве в государстве будет более «...широкое внедрение института примирения путем расширения перечня преступлений, попадающих под возможность освобождения от уголовной ответственности через процедуру медиации, возмещения потерпевшему имущества и морального вреда, а также причиненного вреда здоровью» [2].

Здесь следует особо подчеркнуть, что появление самого данного Указа было обусловлено стремлением Казахстана соответствовать принципам правового строительства, применяемым в этой сфере в современном цивилизационном пространстве. И поэтому в плане гуманизации существующей в нем системы правосудия медиации отводилась роль своеобразной технической процедуры, помогающей обеспечению расширения возможностей именно вне- и досудебных форм урегулирования правонарушений, разрешаемых ранее только в судебном порядке. Что, собственно, и нашло свое дальнейшее подтверждение на практике.

Использование медиации в данном ее предназначении было обусловлено не только задачами, стоящими перед государством в сфере «гуманизации уголовной политики». Одновременно это явилось своеобразной упреждающей реакцией Казахстана на противодействие целому комплексу проблем, с которыми уже давно пришлось столкнуться практически всем правовым государствам, являвшимся для него образцом в деле обустройства своей собственной системы правосудия.

Общеизвестно, что в США и ряде европейских стран, относящихся к разряду правовых и демократических государств, давно зрела проблема, которая, в конце концов, приняла поистине неразрешимый характер. Ее *первопричина* состоит в том, что в правовом государстве каждый его член априори имеет право именно на судебную защиту своих прав и свобод. И это рассматривается в качестве одного из важнейших демократических завоеваний. Как следствие, в общественном сознании прочно укрепилось понимание того, что добиться утверждения справедливости можно именно только через суд.

Здесь особое внимание следует обратить на *истоки* появления самой данной первопричины. Дело в том, что правовое нормирование всех видов социальной деятельности, равно как и всех типов общественных взаимоотношений в рамках государства, в истории осуществлялось, осуществляется и, похоже, еще долго будет осуществляться в условиях доминирования только одного организационного принципа. И именно он определяет логику соотношения между такими важнейшими системообразующими понятиями любого типа правоотношений, как свобода, обязанности, права. Поскольку в обществе на протяжении всей его истории практически во всех сферах его жизни доминирует отношение дихотомии — «господство – подчинение», то наиболее востребованным оказался только один вариант их логической перевязки между собой.

Права – свобода – обязанности, так выглядит логика последовательности этой их взаимосвязи. И, как следствие, в итоге — их взаимообусловленность и взаимозависимость друг от друга. Именно вследствие данной логики в обществе в различных вариантах стала доминирующей такая система права, когда все виды свободы, ее характер, содержание и т.д. регламентируются только с помощью соответствующих законов. А рамки дозволения пользоваться всевозможными видами социальной свободы определяются только посредством того или иного набора прав, предписываемых в законодательном порядке. К примеру, право на свободу слова, свободу совести, свободу собраний и т.д.

Отсюда, *любое ограничение свободы, идущее вразрез с законом, считается противоправным. А нарушение прав является противозаконным. И все это в целом трактуется как правонарушение.*

Поэтому любое злостное, или только частичное покушение кого-либо на чьи-либо права, или любое другое деяние, реально или вероятно таящее в себе подобного рода угрозу, автоматически может быть представлено в качестве посягательства на чью-то свободу. И наоборот, ограничения кого-либо в свободе осуществления им своей индивидуальной жизнедеятельности могут трактоваться как правонарушения. На практике это означает, что любой подобный случай автоматически предполагает возможность его рассмотрения и разрешения именно только *в форме судебного* разбирательства на предмет установления степени нарушения предписаний того или иного закона.

И только государство выступает гарантом практической реализации данной возможности каждому из своих членов, предстающих в лице либо физических, либо юридических субъектов. А существующая в государстве судебная система является той единственной инстанцией, которая вправе определять любые деяния на отсутствие или наличие в них состава преступления. В случае же установления последнего судом им же, на основе соответствующего закона, виновному определяется соответствующая мера наказания.

Не вдаваясь во все тонкости осуществления правосудия, отметим только, что вся процедура судопроизводства, и по составу ее функциональных участников, и по регламенту, регулируемому ее внутренней организацией, и по срокам осуществления, и т.д., с самого начала и вплоть до вступления в силу приговора суда в отношении установленного преступника, с учетом рассмотрения всех видов соответствующих апелляций на судебные решения, четко прописаны и до предела *формализованы*. А любые попытки отступления от этого, веками отработанного процессуального священнодействия уже сами могут быть квалифицированы как противозаконные действия и тогда могут рассматриваться в качестве определенного вида правонарушения.

Поскольку в организации современной системы правоотношений государство все и вся стремится взять под юрисдикцию закона, то неисполнение закона, как известно, априорно предполагает возможность подвергнуть нарушителя определенному наказанию, вплоть до уголовного. А все это, в свою очередь, создает весьма благоприятную почву для распространения уголовного права и на сферы правоотношений, разрешение спорных ситуаций в которых может вовсе обходиться и без мер государственного принуждения. Что, в конечном итоге, создает иллюзию всевластности уголовного права.

Таким образом, в общественном сознании, особенно на постсоветском пространстве, зачастую именно уголовное право отождествляется с правом вообще, а любое правонарушение отождествляется с преступлением, заслуживающим уголовного наказания. И это не удивительно. Ведь «...выходя из недр тоталитарного общества, современное демократическое общественное сознание находится только в начале пути своего формирования, что отражается и на состоянии гражданского сознания, его амбивалентности и противоречивости» [3; 153].

Интенсификация жизни общества во всем многообразии ее проявления, особенно в условиях глобализации, неотвратимо ставила правовые государства перед все более обостряющейся проблемой. Суть последней сводится к тому, что отработанная в них система судопроизводства в связи с обвальным наплывом дел, в силу своей громоздкости и излишней заформализованности, стала испытывать значительные перегрузки. А это не могло не сказаться на снижении эффективности ее деятельности и негативно отразиться на ее имидже в целом. И выход из этой ситуации был подсказан историей зарождения и логикой функционирования самой судебной власти.

Ведь в любом судебном разбирательстве суд всегда участвует как третья сторона, в качестве своего рода посредника. А институт посредничества всей своей сутью и по истории своего происхождения, и по сферам применения, и по своему потенциалу значительно превосходит возможности любого государственного судопроизводства. Так, например, уже римляне использовали различные термины для обозначения понятия «посредник», в том числе и mediator [4].

Поэтому в сложившейся ситуации обращение к использованию альтернативных государственному судопроизводству иных форм посреднических услуг при разрешении многих спорных жизненных ситуаций оказалось весьма действенным и эффективным. Сфера применения этих услуг стала стремительно развиваться. И теперь уже сами государства стали всячески содействовать развитию различных подвидов института посредничества, подключив, например, медиацию непосредственно к сфере урегулирования даже уголовных правонарушений.

Наглядным свидетельством тому может служить появление целого ряда международных документов (Совета Европы, деклараций и резолюций ООН), рекомендующих странам внедрение медиативных технологий на практике уже даже на законодательном уровне. Так, например, в одном

из документов Совета Европы прямо указано: «Медиация в уголовных делах должна быть возможна на любой стадии уголовного судопроизводства» [5].

Несомненно, столь высокая оценка достоинств медиации во многом стала возможной благодаря и еще одному обстоятельству — теоретическим и практическим достижениям развития такой молодой науки, как конфликтология. Именно благодаря конфликтологии значительно расширилось научное представление о природе проявления конфликтности вообще и особенностях ее перерастания в действительные конфликты, что, в свою очередь, послужило надежной основой для систематизации уже имеющегося исторического опыта по оказанию посредничества при разрешении острых жизненных ситуаций. А главное, открыло широкие возможности для поиска иных, новых, научно обоснованных путей и способов управленческого воздействия и на конфликтные ситуации, и на сами конфликты во всем многообразии форм их проявления. За короткое время возник даже целый рынок оказания посреднических, примиренческих услуг, со своим спросом и предложением. И он становился реальной *альтернативой* даже существующей судебной форме разрешения жизненно важных проблем.

Несомненно, это во многом способствовало тому, что в 80-е годы прошлого века «... возникают конфликтологические центры в США и других странах мира. А в 1986 г. в Австралии по инициативе ООН создается Международный центр разрешения конфликтов. В России первый центр по разрешению конфликтов был создан в Санкт-Петербурге в начале 90-х годов [6; 12].

Вместе с расширением возможностей использования института посредничества в целом дальнейшее развитие получает и медиация. Использование ее потенциала получило даже широкое международное признание. Как видно из рекомендаций того же Совета Европы, «государства-члены все более и более стремятся использовать медиацию в уголовных делах как гибкую, доступную, нацеленную на разрешение существа конфликта и вовлечение в его разрешение сторон меру, расцениваемую в качестве дополнения к традиционному уголовному процессу или как альтернатива ему» [5].

Здесь, как видно, уже четко обозначены два конкретных варианта использования медиации. Первый — как просто дополнительное средство к традиционным существующим формам судопроизводства, а второй — даже в качестве «альтернативной меры» по отношению «к традиционному уголовному процессу».

Похоже, что именно эти два варианта и определили собой тот характер отношения и особенности практического использования медиации, которые стали характерны, к примеру, для России и Казахстана.

Россия, как показали последующие события, отдала предпочтение второму варианту. Вслед за открытием центра по разрешению конфликтов в Санкт-Петербургском государственном университете на философском факультете открывается кафедра конфликтологии. В вузах страны стали читаться курсы по данной дисциплине. Образовательная программа по конфликтологии была включена в Общероссийский классификатор специальностей образования. По этой программе подготовку бакалавров и магистров стал осуществлять целый ряд вузов России. В первую очередь, эту подготовку *стали осуществлять на философских факультетах.*

Большое значение теоретическому и практическому развитию конфликтологии в стране стали придавать на государственном уровне. К этому процессу уже с самого начала была подключена академическая наука. Создается Международная ассоциация конфликтологов, при ней — Центр конфликтологии (в прошлом — Центр конфликтологии ИСРАН и РАН). С 1991 г. стало выходить серийное издание «Социальные конфликты», с 2003 г. — ежеквартальный журнал «Конфликтология» и т.д. В стране стали проводиться Международные конгрессы конфликтологов.

В последние годы под эгидой Института социологии РАН, Исследовательского комитета по публичной политике, конфликтам и гражданскому обществу РАПН, Института «Справедливый мир», Фонда имени Фридриха Эберта и при содействии Института экономики РАН, Института проблем рынка РАН, Института США и Канады РАН регулярно проводятся Всероссийские научно-практические конференции и симпозиумы с международным участием. Они, по существу, превратились в заседания своего рода Интеллектуального Истринского клуба. Его площадка стала тем местом, где объектом рассмотрения, в контексте мирового и российского опыта, является широкий спектр проблем, связанных с глобализационным и, конечно же, конфликтным по своему характеру этапом развития современного цивилизационного пространства.

Все это в целом свидетельствует о серьезном, научно обоснованном подходе к конфликтологии в целях наиболее эффективного практического использования ее потенциала в самых различных сфе-

рах жизни современного общества. Конечно же, не все в этой сфере идет должным образом, тем не менее определенные достижения уже налицо.

Именно данный характер отношения к конфликтологии в целом, несомненно, не мог не оказать своего решающего влияния на разработку и принятие в России, к примеру, Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», где уже в первой статье четко определено, что он «разработан в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица — медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений» [7].

В законе же и определена сущность самой процедуры медиации — это «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения». Это в корне отличается от понимания сущности медиации, трактуемой в Законе «О медиации», принятом в Казахстане буквально на следующий год после того, как названный выше закон был принят в России.

На первый взгляд, это отличие является и не столь уж значительным. Оно состоит в более расширенной трактовке смысла самого понятия «медиация», достигаемой за счет употребления словосочетания «спор (конфликт)». Кстати, в рассматриваемом российском законе понятие «конфликт» не употребляется вообще.

Похоже, что поводом для казахстанских разработчиков данного закона послужила их опора на наиболее привлекательно звучащие трактовки медиации, которые создают весьма устойчивую иллюзию общепонятности того, что они обозначают. Такие, к примеру: медиация — «одна из технологий альтернативного урегулирования споров (англ. *alternative dispute resolution, ADR*) с участием третьей, нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны — медиатора» [4].

Конечно же, понятия «спор» и «конфликт» далеко не однозначны. Но конфликт, зачастую, применяется в качестве своеобразного собирательного понятия, куда наряду с действительными конфликтами относят жизненные коллизии, имеющие к ним весьма далекое отношение. Этим понятием, как правило, именуют и всевозможного рода вербальные споры, и дискуссии, и межсоседские тяжбы, и т.д. Но вряд ли любое противостояние, даже демонстрирующее определенный конфликтогенный потенциал, может представлять собой действительный конфликт.

Ведь *конфликт* в его наиболее зрелой форме — это «вид *противодействия (противоборства) самодостаточных субъектов, совершающийся при полном игнорировании человеческого в другом человеке*» [8; 80].

Конечно же, подобного рода конфликты, как *противоборства*, связанные с проявлением открытого произвола, насилия, несущие угрозу жизни или причинение вреда здоровью, или посягательство на свободу, на имущество другого (других) и т.д., представляют опасность не только его непосредственным участникам. Одновременно они заключают в себе реальную угрозу существованию любого типа сообщества как целостному образованию. И тогда уже само сообщество, а в лице государства тем более, вынуждено вступать в непримиримую борьбу с ними. И не только на стадии их проявления в подобной форме. Важнее сделать все для того, чтобы не доводить любую жизненную конфликтогенную ситуацию до подобной стадии, чему, собственно, и призван служить в целом институт посредничества. Как показывает имеющийся на этот счет опыт, это можно сделать не обязательно мерами только одного государственного регулирования.

Признание законом на государственном уровне наличия альтернативы государственному судопроизводству, а значит, возможности *до-* и *внесудебного* разбирательства, реально предоставляет участникам любой жизненной коллизии возможность выбора. При этом сам ход реализации этого выбора, вплоть до принятия окончательного решения по существу спора, остается за самими его участниками.

Когда же технологии и средства посредничества применяются в качестве дополнения к традиционному судебному разбирательству правоотношений (как, например, в Казахстане), то это, несомненно, создает определенные трудности в самоопределении тех, кто хотел бы воспользоваться их возможностями. А когда, к тому же, человек встречается с ситуацией, при которой, как определено законом, «для проведения медиации в суде первой инстанции дело передается другому судье. По ходатайству сторон медиация может быть проведена судьей, в производстве которого находится

дело. Для проведения медиации в суде апелляционной инстанции дело передается, как правило, одному из судей коллегиального состава суда» [9], то шансы на его обращение к услугам медиатора вряд ли возрастут.

К тому же, согласно казахстанскому Закону «О медиации», все те, кто привлекается к деятельности медиаторов, даже на так называемой «профессиональной» основе, похоже, имеют весьма смутное представление о конфликтологии как науке и том месте, которое отводится в ней медиации как одному из видов осуществления посреднических услуг. Наглядным тому свидетельством могут служить, к примеру, «Правила прохождения обучения по программе подготовки профессиональных медиаторов в сфере урегулирования споров (конфликтов)», утвержденные на государственном уровне, появившиеся в 2011 г., вслед за выходом самого этого закона.

В частности, «Общий курс медиации», предусмотренный этими правилами, из 48 часов на изучение весьма популистски звучащей темы «Понятие и классификации конфликтов» отводит 2 часа. И из 17 тем она числится под номером 14 [10]. Отсюда и соответствующее понимание сущности и роли конфликтов, что находит свое отражение в авторских программах, по которым готовят подобного рода «профессионалов-медиаторов».

Так, например, в одной из них представление о конфликтах дано в такой сохраненной авторской редакции: «Конфликт: понятие, классификация, управления; Навыки медиатора по управлению конфликтом, структура, анализ и техники» [11]. А формирование подобного рода навыков «по управлению конфликтом» осуществляется на основе механического заимствования и копирования различного рода зарубежных методик. Но ведь медиатор обязан только помогать сторонам самостоятельно выработать определенное соглашение по выходу из конфликтной ситуации, а отнюдь не «управлять конфликтом»! И его главная цель — «помочь принятию решения за счет организации конструктивного диалога и совместной деятельности конфликтующих сторон» [12; 85]!

Не мудрено, что свидетельством личного «профессионального» приобщения к медиации тех, под чьим руководством все это происходит, выступают ни к чему не обязывающие сертификаты, а тем более их количество.

Поэтому вряд ли стоит особо удивляться тому, что отсутствие должного профессионального отношения к развитию конфликтологии в республике оборачивается таким уровнем далеко не профессионального подхода к решению важнейших жизненных проблем. А для исправления положения дел в этой сфере явно недостаточно усилий только отдельных одиночек-специалистов или энтузиастов, заинтересованных в становлении действительно профессионального сообщества медиаторов.

К сожалению, в республике в стороне от этих проблем до сих пор остается профессиональное сообщество философов, социологов, политологов, психологов. Отсюда сфера применения института посредничества, во всем многообразии форм его проявления, является излишне юридизированной, так как границы и само содержание этого применения, как правило, находятся под юрисдикцией закона. И законы в этой сфере принимаются, традиционно, по команде «сверху», без должной на то подготовки не только тех, кто должен непосредственно заниматься медиацией. Но самое главное — в полном неведении об этом находятся те, ради кого, собственно, и принимаются эти законы, не говоря уже о том, что в процессе принятия этих законов даже не возникает вопроса о необходимости прохождения ими определенной конфликтологической экспертизы. Но поскольку требования закона исполняются в режиме правового разрешения — «все, что не разрешено — запрещено», то эти законы обречены на постоянные изменения, уточнения, доработку и т.д.

Всю палитру нюансов жизни общества вряд ли можно регламентировать только при помощи государственного законодательства. Динамику социальных процессов современного цивилизационного пространства отличает ярко выраженный турбулентный характер. Она обусловлена открытым или завуалированным столкновением различного рода как личностных, так и социально детерминированных потребностей, интересов, целей, воли, идей и т.д. И задача любого государства состоит в недопущении того, чтобы эти столкновения, даже при всем их конфликтогенном потенциале, обернулись насилием, разрушением, войнами. А для этого необходима консолидация совместных усилий и государства, и институтов гражданского общества, и сообщества профессионалов. И здесь без должной опоры на научные достижения такой науки, как конфликтология вряд ли удастся обойтись.

В этой связи создание Центра профилактики социальной напряженности и медиации под эгидой Ассамблеи народа Казахстана — это не просто веление времени. Это важнейшее условие дальнейшего мирного сосуществования страны, укрепления общественного согласия между всеми его членами, независимо от их этнической принадлежности и социального статуса.

Только вот при этом важным все-таки является не столько техническая оснащенность методиками, способами и определенными навыками разрешать уже возникшие «споры (конфликты)», сколько обладать стратегическим видением и способностью не доводить любые жизненные ситуации, при всем накале бушующих в них страстей, до настоящих конфликтов.

Список литературы:

- 1 Закон Республики Казахстан «О медиации» (с изм. и доп. по состоянию на 31.10.2015 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376.
- 2 Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года № 949. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: powes.ru/izdatelstvo/iurist/178-...
- 3 Никовская Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект) / Л.И.Никовская // Вестн. Института социологии. — 2015. — № 12. — С. 140–155.
- 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Медиация.
- 5 Рекомендация № R 99-19 Комитета Министров государствам — членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: pandia.ru/tekst/78/061/28407.php.
- 6 Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии / С.М.Емельянов. — СПб.: Питер, 2005. — 400 с.
- 7 Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. от 2, 23 июля 2013 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: base.garant.ru/12177508.
- 8 Конфликтология XXI века // Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2014 г. — СПб., 2014. — 440 с.
- 9 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. от 08.04.2016 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: bestprofi.com/home/document/...23.04.16.
- 10 Об утверждении Правил прохождения обучения по программе подготовки... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: adilet.zan.kz/rus/docs/P1100000770копия.
- 11 О компании ООО «Центр медиации и альтернативного разрешения споров». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: elmediazia.kz.
- 12 Никовская Л.И. Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса / Л.И.Никовская // Полис. Полит. Исследования. — 2009. — № 6. — С. 83–94.

Л.И. Никовская, В.С. Батурин

Құқықтық қатынастардағы медиацияны қолданудың ролі мен ерекшеліктері

Мақала құқықтық қатынастар саласында медиацияны қолдану ерекшеліктерін зерттеуге арналған. Қазіргі уақытта осы мәселенің төңірегінде болып жатқан дүрлікпе жағдайлар оның шынайы мазмұнынан әлдеқайда алыс. Авторлар нақ осы құқықтық қатынастар саласында медиацияны қолдану талабының үдеп келе жатқандығының шынайы себептеріне назар аударып отыр. Медиацияны қолдануда оның екі түрлі нұсқасына назар аударылуда. Біріншісі – сот ісінің бұрынғы түрлеріне тек қосымша құрал ретінде ғана. Екіншісі – сот қарауына дейін және сот қарауынан тыс қолданылады. Ресей, мысалы, конфликтологияның жетістіктеріне сүйену арқылы екінші нұсқаға басымдылық беріп отыр. Ал конфликтология әлі де болса толық зерттелмеген Қазақстанда медиацияның қолданылу саласы толығымен заңның құзыретіне кіріп отыр. Осыдан медиаторлардың қатарына, ең алдымен, кәсіби қызметі медиатор қызметінің ерекшелігінен алыс сот, қорғаушылар жатқызылады. Сонымен бірге «кәсіби» аталып жүрген медиаторлардың көбісінде ғылым ретіндегі конфликтология туралы және ондағы медиацияның ролі туралы түсініктері толық емес. Сонымен, қорытындылай келсек, әлемді сақтап қалу үшін, елдегі қоғамдық келісімді нығайту үшін, әртүрлі талас-тартыстарды (қақтығыстарды) шешу үшін тәртіп бойынша шет елден келген әртүрлі процедуралық техникаларды менгеру ғана маңызды емес, сондай-ақ өмірде кездесетін оқиғалар мен ахуалдарды ғылыми негізде нағыз қақтығыстарға дейін жеткізбеу шеберлігі мен іскерлігі де аса маңызды болып саналады.

Кілт сөздер: қақтығыстану, «Медиация туралы» заң, қақтығыс, келістіру институты, талас, медиация, медиатор, қылмыстық саясат гуманизациясы, әділдік жүйесі.

Role of mediation and its application features in the sphere of legal relations

The article is devoted to the study of the application features of mediation in the sphere of legal relations. It is noted that the excitement rose around it for today is very far from its real significance. Author highlights true reasons for the increased demand for the use of mediation in the sphere of legal relations. The emphasis is on two main options for its use. The first – as a simple and additional instrument to existing forms of legal proceedings. And the second – as extrajudicial and pretrial detention. For example, Russia which relied on the achievements of conflictology gave preference to the second option. In Kazakhstan, where conflictology has not yet been given due attention, the scope of mediation application has been completely under the jurisdiction of laws. Hence, the mediators are judges and lawyers whose professional activities are far from the specifics of the mediator's activity. In addition, it seems that most of the so-called «professional» mediators have a vague idea of conflictology and its meaning as a science. As a result, it is concluded that in order to preserve peace, strengthen public consent in the country, in resolving various disputes (conflicts) more important is not so much the possession of various kinds of procedural techniques mostly borrowed from abroad but a skill not to bring life situations to real conflicts on a scientific basis.

Keywords: conflictology, law «About mediation», conflict, mediation mechanisms, dispute, mediation, mediator, humanization of criminal policy, justice system.

References

- 1 Zakon Respubliki Kazakhstan «O mediatsii» [Law of the Republic of Kazakhstan «On mediation»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 [in Russian].
- 2 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 20 sentyabrya 2002 hoda № 949 [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 20, 2002 No. 949]. *from nowes.ru*. Retrieved from [nowes.ru/izdatelstvo_iurist/178- ...](http://nowes.ru/izdatelstvo_iurist/178-...) [in Russian].
- 3 Nikovskaya, L.I. (2015). Hrazhdanskoe obshchestvo i hrazhdanskoe soznanie (tsennostno-motivatsionnyi aspekt) [Civil society and civic consciousness (value-motivational aspect)]. *Vestnik Instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*, 12, 140–155 [in Russian].
- 4 *en.wikipedia.org*. Retrieved from en.wikipedia.org/wiki/Mediatrics [in Russian].
- 5 Rekomendatsiia № R 99-19 Komiteta Ministrov hosudarstvam — chlenam Soveta Evropy, posviashchennaia mediatsii v uholovnykh delakh [Recommendation No. R 99-19 Committee of Ministers to member states of the Council of Europe on mediation in criminal matters]. *pandia.ru*. Retrieved from pandia.ru/tekst/78/061/28407.php [in Russian].
- 6 Yemelyanov, S.M. (2005). *Praktikum po konfliktologii [Workshop on conflictology]*. Saint Petersburg: Piter [in Russian].
- 7 Federalnyi zakon ot 27 iyulya 2010 h. N 193-FZ «Ob alternativnoi protsedure urehulirovaniia sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» [Federal Law of July 27, 2010 N 193-FZ «On the Alternative Procedure for the Settlement of Disputes with the Participation of the Mediator (mediation procedure)»]. *base.garant.ru*. Retrieved from base.garant.ru/1217750 [in Russian].
- 8 Konfliktologiya XXI veka [Conflictology of the XXI century]. (2014). Proceedings from Ways and means of strengthening peace: *Vtoroi Sankt-Peterburhskii mezhdunarodnyi konkhress konfliktologov. Sankt-Peterburh (3-4 oktyabrya 2014 hoda) – The Second Saint Petersburg International Congress of Conflictologists. Saint Petersburg*. (440 p.). Saint Petersburg [in Russian].
- 9 Hrazhdanskii protsessualnyi kodeks Respubliki Kazakhstan [Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan]. *bestprofi.com*. Retrieved from bestprofi.com/home/document/...23.04.16 [in Russian].
- 10 Ob utverzhdenii Pravil prokhozheniia obucheniia po prohramme podgotovki [On the approval of the Rules for training under the training program]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from adilet.zan.kz/rus/docs/P110000770copy [in Russian].
- 11 O kompanii OOO «Tsentr mediatsii i alternativnogo razresheniia sporov» [About the LLC «Company Center for Mediation and Alternative Dispute Resolution»]. *elmediazia.kz*. Retrieved from elmediazia.kz [in Russian].
- 12 Nikovskaya, L.I. (2009). Slozhnosostavnoi konflikt kak instrument analiza transformatsii i krizisa [Complex conflict as a tool for analysis of transformation and crisis]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – The policy. Political studies*, 6, 83–94 [in Russian].